

«НОЧНЫЕ
КОРОЛЕВЫ»
ЕВРОПЫ

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ФАВОРИТКИ

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Роковые женщины

Сергей Нечаев

**Легендарные фаворитки.
«Ночные королевы» Европы**

«Яуза»

2014

Нечаев С. Ю.

Легендарные фаворитки. «Ночные королевы» Европы /
С. Ю. Нечаев — «Яуза», 2014 — (Роковые женщины)

«Ничто не в силах противостоять красивой женщине!» – говорят французы. И даже верховная власть склоняется перед женским шармом. Что доказали героини этой книги, ставшие величайшими королевами, пусть и не коронованными официально. Маркиза де Помпадур и Диана де Пуатье, Анна Болейн и маркиза де Монтеспан, Аньес Сорель, мадам дю Барри, Вирджиния ди Кастильоне, Екатерина Долгорукая – эти великие женщины покорили сердца венценосцев, войдя в историю и легенду не просто как фаворитки, а как «ночные королевы» Европы. Современники поражались богатству их нарядов, драгоценностей и дворцов, завидовали их властному характеру и влиянию на судьбы целых народов, – но, как часто бывает, за красотой, блеском и роскошью скрывались разбитые сердца и сломанные судьбы...

© Нечаев С. Ю., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Глава первая	5
Дочь Жана Сореля и Катрин де Маньеле	7
Протеже Иоланды Арагонской	8
История Карла VII	9
Любовница короля мадам де Жуайёз	15
Новая страсть короля	16
Беременность Аньес Сорель	17
Первая официальная фаворитка короля	18
Дам де Ботэ	20
Недовольство народа	21
Политическая роль Аньес Сорель	22
Смерть Аньес Сорель	24
Козел отпущения Жак Кёр	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Нечаев

Легендарные фаворитки.

«Ночные королевы» Европы

Если из истории убрать всю ложь, то это совсем не значит, что останется одна только правда – в результате может вообще ничего не остаться.

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ, польский писатель XX века

Ничто не в силах противостоять красивой женщине.
МАРСЕЛЬ ПРЕВО, французский писатель XIX века

Великие люди кажутся особенно развратными просто потому, что мало кому известны биографии остальных.
ГРИГОРИЙ ЛАНДАУ, философ и публицист XIX – начала XX века

Лучшее оружие против женщины – другая женщина.
СТЕНДАЛЬ, французский писатель XIX века

Глава первая

Аньес Сорель

Аньес дошла до наших дней в ареоле тайн... И самой волнительной тайной являются причины ее смерти!..
ПОЛЬ ЛЕЖЁН, современная французская писательница, историк

Дочь Жана Сореля и Катрин де Маньеле

Где и когда появилась на свет эта, по мнению многих, самая красивая женщина XV века, точно неизвестно, ибо на этот счет среди летописцев имеются большие разногласия. Одни утверждают, что она родилась в городке Фруамантель в Пикардии, на родине отца, другие называют местом ее рождения городок Фроманто в Турени. По одним данным, она родилась в 1409 году, по другим – что более вероятно – в 1422 году. Ее отец Жан Сорель был советником графа де Клермона, и он весьма выгодно женился на Катрин де Маньеле, наследнице поместья де Верней.

После смерти отца Аньес забрала к себе ее тетка, мадам де Маньеле, но ее собственная дочь Антуанетта взревновала и не пожелала делить нежность матери с непрошеной кузиной. В результате в пятнадцатилетнем возрасте Аньес была отправлена в Нанси, где поступила на службу в качестве фрейлины при дворе Изабеллы Лотарингской, королевы Сицилии и жены короля Рене Анжуйского, на сестре которого, Марии Анжуйской, был женат французский король Карл VII.

Протеже Иоланды Арагонской

Когда Рене Анжуйский, сражаясь за обладание Лотарингией, наследницей которой была его жена, был разбит графом де Водемоном и надолго попал в плен, Изабелла устремилась ко двору своего венценосного родственника Карла VII, требуя у него защиты и поддержки. Аньес Сорель ничего не оставалось, как последовать за герцогиней Изабеллой. Однако та вскоре уехала в Италию, оставив Аньес под опекой своей свекрови королевы Иоланды¹, которая одновременно с этим была тещей короля Карла VII. Шел 1443 год...

По одной из версий, королева Иоланда, заметившая цепкий ум и необычную красоту двадцатилетней Аньес, задумала использовать ее в своих целях, в частности для влияния на слабовольного зятя. Эта мудрая женщина просто обожала так использовать своих фрейлин, которых она повсюду расставляла любовницами и шпионками, не гнушаясь при этом и услугами шпионов-мужчин, которыми у нее были монахи-францисканцы. Поэтому весьма вероятно, что именно по протекции королевы Иоланды Аньес была представлена ко двору короля Франции. Но в любом случае это произошло до конца 1443 года, ибо 14 декабря королева Иоланда умерла.

¹ Иоланда Арагонская, младшая дочь короля Арагона, была женой герцога Людовика Анжуйского, от которого у нее родилось пятеро детей, в том числе дочь Мария, ставшая супругой короля Карла VII, и сын Рене, ставший мужем Изабеллы Лотарингской.

История Карла VII

Так началась связь Аньес Сорель с французским королем. В это время Карлу VII было «немного за сорок», Аньес же была почти вдвое младше его.

Для того чтобы понять, что представлял собой Карл VII, прежде всего, необходимо разобратся с вопросом о том, что такое Столетняя война и как она повлияла на политическую ситуацию во Франции.

Начнем с того, что так называемая Столетняя война длилась не сто лет, а сто шестнадцать. Просто «стошестнадцатилетняя» звучит не так красиво.

Считается, что Столетняя война между Англией и Францией длилась с 1337 года по 1453 год. Собственно, это была даже не война, а серия войн, которые то начинались, то утихали, то вновь разгорались с новой силой.

Началась эта война с тривиального династического конфликта: король Англии Эдуард III из рода Плантагенетов, внук по материнской линии короля Франции Филиппа IV Красивого, выдвинул свои права на французский престол, оспаривая законность правления короля Франции Филиппа VI, племянника Филиппа IV Красивого² по мужской линии.

По точному определению историка Робера Амблена, Столетняя война – это «самая обыкновенная семейная ссора», и обе стороны, участвовавшие в ней, «французские, как та, так и другая».

Конфликт между родственниками Эдуардом и Филиппом осложнялся взаимными претензиями на Гиень, герцогство на юго-западе Франции, подвассальное французской короне, но принадлежавшее английским королям.

Начало войны, формально объявленной 1 ноября 1337 года, ознаменовалось взаимными ударами, нанесенными с моря. В частности, англичане захватили остров Кадзан у фламандских берегов, что и стало первой их победой, одержанной над французами в растянувшейся на сто с лишним лет кровопролитной войне.

В августе 1338 года король Эдуард III высадился во Фландрии, а в июле следующего года напал на приграничные районы Франции. Король Филипп VI, несмотря на наличие у него сильной армии, уклонился от решительной битвы.

В 1340 году у побережья близ города Слюйс французский флот был полностью уничтожен англо-фламандским флотом. В этом бою король Филипп VI потерял не только все свои корабли, но и примерно 30 000 человек. С этого времени англичане стали безраздельно господствовать на море, что, собственно, и неудивительно: во всех франко-британских войнах их флот оказывался сильнее французского.

Все попытки прийти к какому-нибудь мирному соглашению оказались безрезультатными, и летом 1346 года король Эдуард III высадился в Нормандии. 26 августа в сражении при Креси на границе Фландрии и Пикардии он нанес сокрушительное поражение французам.

Английское войско насчитывало около 20 000 человек, в том числе 4000 рыцарей, около 11 000 лучников и приблизительно 5000 пехотинцев, вооруженных копьями. Французское войско было более многочисленным: 12 000 рыцарей, около 6000 арбалетчиков (в основном наемников-генуэзцев) и около 20 000 пехотинцев ополчения, собранного французскими городами.

Отметим, что термин «рыцари» здесь употребляется в широком смысле, обозначая тяжеловооруженную конницу. Конечно же, это не вполне справедливо, ибо настоящий рыцарь –

² Король Филипп IV Красивый был из рода Капетингов и умер в 1314 году. Его сын, король Карл IV Красивый, тоже был из рода Капетингов и умер в 1328 году. Умирая, он назначил регентом королевства Филиппа, своего двоюродного брата из побочного королевского рода Валуа (своих детей мужского пола у него не было). Таким образом, династия Капетингов, правившая страной с 987 года, прервалась, и внук Филиппа IV Красивого не захотел с этим мириться.

это не субъект рода войск, а титул, обозначающий принадлежность к строго определенному военно-социальному институту.

Эдуард III расположил свое войско вдоль дороги к Креси, по которой двигалась французская армия. Английские лучники построились в пять шеренг. Тактической новинкой короля Эдуарда стало размещение части спешенных рыцарей в рядах лучников, что должно было показать, что дворяне готовы разделить все опасности с простолюдинами и что английское войско представляет собой общенациональную армию.

Французские рыцари повели себя иначе: вступив в бой, они смяли и потоптали собственную пехоту, считая, что она только мешается под ногами. Туча стрел английских лучников обрушилась на них, и атака захлебнулась: множество рыцарей было покалечено, а лошадей – убито.

Об английских лучниках стоит сказать особо. Они производили залпы очень массированно, как сейчас говорят, «по площадям» (так, то есть неприцельно, английский лучник был способен произвести десять-двенадцать выстрелов в минуту, прицельно – примерно шесть выстрелов в минуту). Это очень походило на огонь «Катюш» времен Второй мировой войны.

Несколько раз французы нападали на позиции англичан, но каждый раз были отбиты. Под королем Филиппом VI была убита лошадь, и он приказал отступить.

После этого англичане осадили портовый город Кале и взяли его в июне 1347 года. Все это заставило короля Филиппа VI любой ценой искать мира, который и был заключен в сентябре 1347 года.

В августе 1350 года король Филипп VI умер, и место на престоле занял его тридцатилетний сын Жан II Добрый.

Через пять лет перемирие между Францией и Англией закончилось, и английский правитель герцогства Гиень Эдуард Черный Принц (сын Эдуарда III) совершил опустошительный набег на Лангедок, дойдя до самых Пиренеев. 19 сентября 1356 года в битве у Пуатье англичане вновь наголову разбили превосходящие силы французов.

У англичан было около 7000 человек, в основном лучников и копейщиков. Это войско было разделено на три части: правым флангом командовал граф Солсбери, двоюродный брат Генриха V, левым – Ричард де Бошан, граф Уорвик (француз, между прочим), чуть позади располагался отряд самого Черного Принца.

Французская армия насчитывала до 20 000 человек, в основном тяжелых и легких кавалеристов. Они были выстроены четырьмя отрядами один за другим: первый отряд – под командованием маршалов де Клермона и д'Одрегема, второй – под командованием девятнадцатилетнего сына короля Карла, третий – под командованием герцога Орлеанского, четвертый – под командой самого короля.

Французские конники атаковали англичан. Маршал Жан де Клермон нанес удар по позициям графа Солсбери, надеясь пробить в них брешь, но был встречен градом стрел и убит одним из первых. Его людям так и не удалось вклиниться во вражеские позиции. Маршала Арну д'Одрегема, атаковавшего позиции графа Уорвика, ждал аналогичный конец. Спешенные рыцари дофина Карла направились вверх по обильно поросшему виноградом пологому склону и также были встречены ураганом английских стрел. Несмотря на тяжелые потери, французы приблизились к линии обороны, и завязалась длительная, ожесточенная рукопашная. Французам едва не удалось прорваться, но англичане сумели сохранить свои позиции. В конце концов при непрерывной поддержке огнем фланговых лучников английским тяжелым всадникам удалось отогнать атакующих.

Обе стороны понесли тяжелые потери, и видя, как пострадало войско дофина, командовавший третьим отрядом герцог Орлеанский, брат короля, смалодушничал (а может быть, проявил предусмотрительность, все зависит от точки зрения анализирующего этот поступок) и увел свой отряд с поля боя.

Зато в атаку пошел четвертый отряд, возглавляемый лично Жаном II Добрым. Черный Принц контратаковал его с фланга, и завязался страшный рукопашный бой. Израсходовав все стрелы, английские лучники присоединились к ставшему всеобщим побоищу. Этого французы не выдержали и обратились в бегство. Доблестный король Жан II Добрый, по старинным рыцарским традициям сражавшийся в первых рядах своих воинов, был взят в плен. Попал в плен и его младший сын Филипп.

Французы в сражении при Пуатье потеряли убитыми около 3000 человек, и примерно столько же попало в плен. Потери англичан неизвестны, но составили, вероятно, около 1000 убитыми и примерно столько же ранеными.

Это поражение для французов оказалось еще более сокрушительным, чем поражение десятилетней давности при Креси. В результате перевезенный в Англию король Жан вынужден был заключить с королем Эдуардом очень тяжелый для Франции мирный договор, по которому англичане получили в свое владение Нормандию, Перигор, Лимузен, Пуату, Анжу, Мэн, Турень и Сентонж, а их владения в герцогстве Гиень увеличились вчетверо.

За деньгами для своего выкупа (а англичане потребовали за это 3 000 000 золотых экю) король Жан II Добрый возвратился во Францию, оставив в заложниках своего сына герцога Анжуйского, но тот, нарушив данное слово, бежал. Возмущенный этим король Жан, которому еще не удалось собрать нужную сумму, добровольно вернулся в Англию, чтобы заменить сына. Английский король был поражен таким благородством своего противника и окружил его самым искренним вниманием. Тем не менее весной 1364 года король Жан тяжело заболел и умер. Ему было сорок четыре года.

Его место на французском троне занял его двадцатилетний сын Карл V Мудрый, на плечах которого после пленения отца при Пуатье уже и так лежали все государственные заботы.

Став королем, Карл V начал готовиться к новой войне с Англией. Разрыв отношений, который рано или поздно должен был произойти, случился в 1368 году, а военные действия возобновились в 1369 году.

Провозглашенный в 1370 году коннетаблем (то есть верховным главнокомандующим) Франции Бертран дю Геклен реформировал армию на основе наемничества, усилил роль пехоты, обновил тактику и добился значительных успехов. Ему удалось разбить англичан у Понваллена. После этого французы отбили у англичан свои южные провинции и Пуату, а в 1372 году были взяты Ля-Рошель, Монконтур и еще несколько городов. В 1373 году власть короля Карла признала Бретань, а годом позже – Гасконь.

К 1375 году в руках англичан остались только «ворота Франции» Кале, а также Байонна и Бордо.

К сожалению, благоразумный и удачливый король Карл V Мудрый умер в 1380 году в возрасте всего сорока трех лет (в том же году, кстати, умер и коннетабль Бертран дю Геклен), а его место на троне занял его сын, уже известный нам двенадцатилетний Карл VI Безумный.

Когда в 1392 году стало ясно, что Карл VI совершенно лишился рассудка, во Франции началась борьба за регентство, вылившаяся в гражданскую войну между Арманьяками и Бургиньонами.

Тем временем в Англии 21 июня 1377 года умер король Эдуард III, не перенеся смерти своего любимого сына Эдуарда Черного Принца. Некоторые историки называют его «стариком Эдуардом», хотя ему было всего пятьдесят пять лет.

Освободившийся трон наследовал внук Эдуарда III и сын Эдуарда Черного Принца двенадцатилетний Ричард II, но ввиду его малолетства страной фактически правил его дядя Джон, герцог Ланкастерский.

Когда Ричарду исполнилось двадцать два года, он заявил, что имеет полное право править страной без опекунов, и начал с того, что приказал бросить в тюрьму своего дядю, герцога

Глостера. Нетрудно догадаться, что вскоре несчастный был найден в своей тюремной камере мертвым. Потом из страны был изгнан двоюродный брат Ричарда Генрих Болинброк, сын герцога Ланкастерского, а через три месяца умер и сам старый герцог, и Ричард, недолго думая, конфисковал все его владения.

Изгнанный из страны Генрих оказался человеком решительным, и летом 1399 года он высадился в Англии и с группой верных ему людей двинулся на Лондон. Вскоре под его знамена собралось более 30 000 человек.

Через некоторое время Ричард II был арестован и заключен в тюрьму Тауэр. 29 сентября 1399 года он отрекся от престола, а в начале следующего года... Совершенно верно, был найден в своей тюремной камере мертвым.

Сменивший его на троне Генрих, ставший королем Генрихом IV, правил в Англии до конца своих дней, то есть до 20 марта 1413 года.

Его сын, Генрих V Плантагенет, едва приняв власть в стране, тут же стал готовиться к походу на Францию, с которой уже много лет сохранялось перемирие. Во Франции в это время продолжал «править» Карл VI Безумный, и, как метко выразился историк Анри Гийемен, «Генрих нашел, что с такой Францией, возглавляемой сумасшедшим королем, было бы крайне глупо пребывать в апатии».

В 1414 году он во главе 6000 рыцарей и 24 000 пеших воинов (в основном лучников) высадился в Нормандии и осадил город Арфлёр. В конце сентября город был взят и превращен в мощный опорный пункт для набегов на другие территории Франции.

Хотя французы оказывали лишь слабое сопротивление, у англичан вскоре нашелся более опасный враг: больше половины их войска унесла в мир иной инфекционная дизентерия. Когда болезнь стала грозить полным уничтожением армии, король Генрих решил отступить к Кале, но французы преградили ему путь.

И 25 октября 1415 года состоялась знаменитая битва при Азенкуре, в которой англичанам, несмотря на численное меньшинство, удалось нанести французам тяжелейшее поражение.

На рассвете английская армия заняла позицию в теснине, образованной густыми лесами, растущими по обеим сторонам главной дороги, ведущей к Кале. Земля была свежевспаханной и размокшей после недавних ливней. Англичане, а их, по данным сохранившейся платежной ведомости Генриха V, было около 1500 рыцарей и 6000 лучников, построились тремя отрядами – точно так же, как почти семьдесят лет назад выстроил свою армию король Эдуард III в сражении при Креси.

Французская армия тоже была поделена на три отряда: два из них состояли в основном из пехотинцев, в том числе и из спешенных рыцарей, а третий – из конных воинов.

В сохранившемся подлиннике приказа маршала Бусико, второго лица во французской армии после коннетабля Шарля д'Альбрэ, вполне конкретно названа численность армии – 22 000 человек. Маршал писал приказ не для историков, поэтому этой цифре вполне можно доверять.

Три часа обе армии стояли друг против друга на расстоянии чуть больше полутора километров. Шарль д'Альбрэ надеялся на то, что англичане нападут первыми. Англичане же хотели, чтобы первыми напали французы.

Раздраженный долгим стоянием, король Генрих V решил спровоцировать французскую атаку и приказал своим войскам осторожно выдвинуться вперед примерно на три четверти километра. Осуществив этот маневр, англичане восстановили прежний строй. После этого солдаты быстро вколотили в землю остро заточенные колья, соорудив тем самым предназначенный для защиты от кавалерийской атаки частокол.

Это английское выдвижение подхлестнуло рвущихся в бой французских баронов, и коннетабль д'Альбрэ, уступив их требованиям, вынужден был отдать команду наступать. Первый

отряд спешившихся рыцарей, закованных в тяжелые доспехи, неуклюже двинулся вперед, а с флангов мимо них понеслись отряды кавалерии.

Печальный для французов опыт Креси и Пуатье повторился с точностью до мелочей. Большая часть всадников и их лошадей пала под английскими стрелами, а уцелевшие, смешав ряды, бросились отступать.

Когда первый французский отряд, ведомый самим Шарлем д'Альбрэ, кое-как доковылял до позиций англичан, кавалерийская атака уже была полностью отбита. Французские рыцари к этому времени буквально валились с ног от усталости: сказывался как неподъемный вес стальных доспехов, так и размокшая перепаханная земля под ногами. Да что там – земля, это была мокрая глина, а что такое идти пешком по прилипающей к подошвам мокрой глине, знает любой житель сельской местности или городских новостроек.

Валились французы и от мощного огня английских лучников. Когда оставшиеся в живых французы подошли совсем близко, англичане взялись за мечи и топоры и, оставив позиции за частоколами, ударили «железным людям» в тыл и во фланг. Буквально за несколько минут от первого французского отряда не осталось ни человека. Кто не успел сдаться, тот был убит или изувечен.

После этого без всякой координации с предшественниками в атаку по непролазной грязи пошел второй французский отряд. Итоги этой атаки оказались почти такими же плачевными. Сумевшие спастись бегством присоединились к кавалерии третьего отряда и стали готовиться к решающему наступлению.

Третье французское наступление оказалось еще менее энергичным, чем предыдущие, и англичане легко его отбили. Кульминацией этой завершающей стадии сражения стала контратака нескольких сотен английских конников, возглавленная лично Генрихом V. Остатки французской армии были окончательно рассеяны.

Французские потери составили порядка 10 000 человек. Погибли коннетабль Шарль д'Альбрэ, герцог Ангулемский и множество других известных бойцов, цвет французского рыцарства, почти все высшие должностные лица королевства, а герцог Карл Орлеанский и несколько маршалов были захвачены в плен. По меткому сравнению историка Олега Соколова, «все эти потери представляли собой примерно то же, как если бы в 1996 году в трагическом штурме Грозного пали не только молодые солдаты и офицеры, а вместе с ними в первых горящих танках погибли бы несколько министров, десятки губернаторов, сотни депутатов, а прочих чиновников высшего ранга – без счета».

После разгрома французов при Азенкуре Генрих V захватил всю Нормандию и приступил к планомерному покорению Франции. В начале 1419 года после семимесячной осады он взял Руан.

Глава Бургиньонов Жан Бесстрашный сначала перешел на сторону англичан, но затем начал вести переговоры с наследником французского престола дофином Карлом, будущим королем Карлом VII. Но 10 сентября 1419 года он был убит на мосту в Монтро приверженцами дофина, как выразился историк Анри Гийемен, «при неясных обстоятельствах».

Сын Жана Бесстрашного Филипп Добрый, стремясь отомстить за убийство отца, в декабре 1419 года заключил в Аррасе союз с англичанами, признал право короля Генриха на французскую корону и объявил войну дофину Карлу. Королева Изабо Баварская присоединилась к этому договору.

Прошло полтора года, и 21 мая 1421 года в городе Труа был подписан скандальный по своей сути договор между Англией и Францией, согласно которому Генрих V, к тому времени успевший в мае 1420 года жениться на дочери Карла VI Безумного Екатерине, объявлялся регентом и наследником французского престола, а дофин Карл, который, как выяснилось, был рожден королевой Изабо Баварской вовсе не от своего мужа, был лишен прав называться дофином. Возмущенный Карл, конечно же, не признал этот договор, заключенный его полоумным

«папашей» и одобренный отказавшейся от него матерью. В ответ на это Генрих демонстративно и торжественно вступил в Париж.

В августе 1422 года король Генрих V внезапно занемог и умер. Ему было неполных тридцать пять лет. Через два месяца у французов умер король Карл VI Безумный. Ему было пятьдесят три года, из которых последние тридцать лет он едва мог управлять страной (лучше бы он этого вообще не делал).

После этого королем объединенных Англии и Франции стал Генрих VI, сын Екатерины Французской, а следовательно – законный внук короля Карла VI. Париж присягнул этому «англо-французскому» ребенку, а отодвинутый на второй план дофин Карл обосновался на юге страны. Конечно же, он тоже провозгласил себя королем Франции, но для большей части французов эта коронация ничего не значила. Настоящие коронации испокон веков делались только в Реймсе, а этот город находился под контролем англичан и их союзников бургундцев. В подчинении же Карла остались города Шинон, Пуатье, Бурж и Риом, районы по левому берегу Луары, Пуату, Турень и Лангедок. Франция окончательно разделилась на две части: королем южной части был Карл из рода Валуа, а королем северной части – его племянник Генрих из рода Плантагенетов. Дорогу англичанам на юг преграждал лишь Орлеан.

Далее имели место хорошо известные события, связанные с именем легендарной Жанны д'Арк, которые завершились тем, что 8 мая 1429 года англичане сняли осаду и ушли из-под стен Орлеана. На волне всеобщего патриотического подъема французы одержали затем еще несколько побед, и 18 июня противники сошлись для решительной битвы в открытом поле у деревни Патэ. Как известно, и это сражение завершилось полным триумфом для войск Карла. Воодушевленные событиями под Орлеаном французы взяли у англичан убедительный реванш за разгромы при Креси, Пуатье и Азенкуре.

Через месяц Карл был торжественно коронован в Кафедральном соборе Реймса. Со всех сторон ему стали присылать приветствия французские города и городишки, выражая готовность признать его власть. Отовсюду неслись восторженные крики:

– Да здравствует Карл, король Франции!

Вот он предел мечтаний! Вот она слава! Чего еще можно хотеть?

Писатель Дмитрий Мережковский дает нам весьма жалкий портрет короля Карла VII:

«Был он и с виду не похож на короля: маленький, худенький, на тонких кривых ножках с нерасходящимися толстыми коленями; сонное, одутловатое лицо с оттянутым книзу над тонкими поджатыми губами мясистым носом и узкими под высоко поднятыми бровями щелками таких оловянно-тусклых заспанных глаз, как будто он хотел и не мог продрать их – проснуться совсем».

Получив вожденную корону, Карл VII пять лет «отдыхал от великих подвигов». За это время герцог Бургундский, взвесив все «за» и «против», предпочел заключить с ним мирный договор, выведя тем самым Бургундию из состояния войны и развязав Франции руки для борьбы с главным противником – англичанами. Но королю Карлу воевать не хотелось, он предпочитал ждать. И ведь дождался же! В апреле 1436 года в Париже вспыхнуло восстание, английский гарнизон капитулировал, и 12 ноября Карл VII совершил торжественный въезд во французскую столицу.

Потом минуло еще восемь лет, в течение которых продолжались военные действия между Англией и Францией. Франция постепенно восстанавливала свои прежние границы, а 28 мая 1444 года был подписан долгожданный мир. Карл VII наконец-то получил возможность полностью расслабиться. Теперь он мог спокойно подумать о том, как поразвлечься. Со свойственной ему страстностью (к сожалению, она у него проявлялась отнюдь не в политических баталиях и не на полях сражений) он стал заглядываться на молодых фрейлин.

Любовница короля мадам де Жуайёз

Первой, кто привлек его внимание, была мадам де Жуайёз, красивая и грациозная. Она была общепризнанной красавицей, а ее наряды считались самыми богатыми и изысканными в королевстве. Ее платья были обшиты редким мехом; драгоценности, которые она носила, могла позволить себе лишь королева (напомним, что с 1422 года Карл был женат на Марии Анжуйской, дочери Иоланды Арагонской).

– Стало быть, господин де Жуайёз богат! – говорили, качая головой, простые люди.

Как всегда, они ошибались: роскошный образ жизни вел совсем не ее муж, а отец, Жан Луве. Ведь он, имея титул советника, «ответственного за распределение финансов», совсем не считал предосудительным запускать руки в королевскую казну и именно поэтому владел несметным состоянием.

Карл VII, встретив однажды мадам де Жуайёз одну в коридоре, «с помощью жестов и нежных слов» сделал ей такие нескромные предложения, что немного смущенная красавица сразу поспешила к отцу и рассказала ему о реакции короля.

Королевский советник был восхищен. Уже давно он мечтал, чтобы Карл VII увлекся какой-либо нежной особой, что позволило бы отвлечь Его Величество от государственных дел, а особенно – от контроля (пусть слабого, но все же) за казной...

– Было бы неразумно показывать ему свою скромность и стыдливость слишком долго, – сказал он своей дочери. – Однако было бы ошибкой и слишком быстро уступить настойчивым просьбам нашего государя. Постарайся возбудить в нем чувство.

Мадам де Жуайёз была не только красива, но и весьма хитра. Она очень хорошо поняла, что ей надо делать, и принялась кокетничать, стараясь вызвать нежную страсть в Карле. Но хорошо известно, что такие проделки небезопасны: однажды утром молодая женщина поняла, что сама влюбилась в короля, и устыдилась тому, что попала в свою собственную ловушку. Мадам де Жуайёз старательно скрывала свои чувства, но любопытное происшествие раскрыло их Карлу VII.

Это случилось в Шинонском лесу, во время прогулки на лошадях, которые обычно совершались королевским двором перед заходом солнца. Королю удалось увлечь за собой мадам де Жуайёз, и они немного отделились от свиты. Карл VII стал в привычной для себя манере вести с ней вольные речи с целью завоевать ее расположение, о чем он страстно мечтал. Когда он, увлеченный собственной речью, наклонился к мадам де Жуайёз, чтобы что-то шепнуть ей на ухо, его лошадь, чего-то испугавшись, вдруг стала на дыбы. Если бы Карл не проявил впечатляющую силу духа, животное могло бы рухнуть на землю, подмяв его под себя. Мадам де Жуайёз, увидев это, сильно побледнела, и испуг ее был так велик, что она чуть было не упала в обморок. Поняв, что «виной ее испуга был он», взволнованный король ненадолго лишился дара речи. Что касается мадам де Жуайёз, то она дрожала всем телом и сохраняла безмолвие вплоть до возвращения в Шинон. Там они провели ночь вместе...

Новая страсть короля

Их бурный и страстный роман длился до того дня, как Карл VII познакомился с фрейлиной Аньес Сорель. Она была так прекрасна, «что он страстно желал ее возбудить и думал, что его мечты могли осуществиться лишь во сне».

Очарованный, он с восторгом созерцал ее пепельного цвета волосы, ее голубые глаза, ее совершенный нос, ее очаровательный рот... Наконец, Карл поинтересовался, как ее имя.

– Я дочь Жана Сореля, а зовут меня Аньес Сорель, – ответила фрейлина.

Глаза короля затуманились страстью. Он был потрясен. Неужели один только взгляд на эту девушку был способен так возбудить его? Однако долго размышлять над этим у него не было времени.

В тот же вечер он отважился заявить о своих нежных чувствах, но девушка убежала от него с испуганным видом. Король в полном смятении поднялся в свои апартаменты. Казалось, никогда в жизни он не был так влюблен. Еще бы ему не влюбиться, ведь эта девушка пленяла всех видевших ее мужчин. Королю казалось, будто он попал в рай, но рай этот становился миражом, стоило ему протянуть к нему руку.

Поспешное бегство прекрасной фрейлины, так не похожее на кокетство мадам де Жуайёз, только распалило в короле желание. Он был настолько поглощен происходившим с ним, что не мог больше думать ни о чем другом, как только о том, чтобы усладить Аньес, пока та всецело не будет принадлежать ему. В течение нескольких дней его вздувшиеся вены на висках и стиснутые кулаки служили предметом сплетен среди придворных. Но однажды утром самые наблюдательные из них заметили, что у короля обычный вид, и поняли: красавица Аньес уже не проводит ночи в одиночестве.

Мадам де Жуайёз, когда ей сообщили, что она попала в немилость, слегла от ревности и от огорчения, а не на шутку встревоженный муж заставил ее даже принять лекарства, желая вернуть супругу к радостям жизни. Действие этих лекарств оказалось превосходным! Через две недели мадам де Жуайёз стала любовницей влиятельного фаворита Карла VII Жоржа де Ля Тремуйя...

Беременность Аньес Сорель

Через несколько недель о любовной связи короля и дамы из Фроманто знал уже весь двор. Одна лишь королева, как это обычно и бывает, пребывала в неведении.

Но вскоре и Мария Анжуйская начала замечать, что что-то неладно, и установила наблюдение за своим супругом. Карл был очень осторожен. Летописец Жан Шартье сообщает, что никто никогда не видел Аньес целующейся с королем; при этом никто уже не сомневался, что между ними существовали интимные отношения. А в 1445 году красавица уже была беременна...

В день, когда должен был появиться на свет младенец, королева Мария, заметив самодовольную улыбку на лице короля, уже больше ни в чем не сомневалась. Сначала она впала в смущение, но потом вспомнила слова своей покойной матери, которая, отдавая себе отчет в том, что внешние данные и интеллектуальные способности ее дочери были весьма посредственны, всегда говорила, что если заставлять мужа отказаться от придворной фаворитки, то он все равно будет иметь любовниц за пределами двора. А может – и среди проституток, поэтому лучше уж дочери не выяснять отношений, а смириться с существующим положением дел...

Мария Анжуйская решила поступить мудро и попыталась наладить дружеские отношения с новой любовницей мужа. Они даже вместе гуляли, слушали музыку, а за обедом вели светскую беседу, что очень радовало Карла VII, для которого никогда не было большего удовольствия, чем видеть полное согласие, царившее вокруг.

В 1445 году у Аньес родился первый ребенок от короля. Это была девочка, которую король, вспомнив на минуту о жене, достаточно цинично предложил назвать Марией. После этого целых пять лет молодая красавица властвовала над королем.

Первая официальная фаворитка короля

Поведение Аньес Сорель и открытое признание связи с королем часто вызывали негодование у окружающих, однако ей многое прощалось благодаря защите короля и ее совершенной красоте, о которой даже Пий II говорил: «У нее было самое прекрасное лицо, которое только можно увидеть на этом свете». И эти слова, сказанные самим папой римским, вряд ли стоит расценивать только как комплимент...

«Это была самая молодая и самая прекрасная среди всех женщин мира», – восклицал Жан Шартье. «Да, безусловно, это была одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел», – вторил ему поэт и историк Оливье де ля Марш. Что ж, с этими мнениями трудно не согласиться.

Влияние Аньес Сорель на Карла VII было безграничным. Не было такой ее просьбы, которую он не выполнил бы. С ее именем были связаны как минимум три-четыре новшества при французском дворе. Прежде всего, она первая среди некоронованных особ стала носить бриллианты. Ее наряды были великолепны, и она считалась одной из лучших клиенток крупного негодянта и королевского казначея Жака Кёра: он поставлял ей мех куницы и восточные шелка. Все вокруг говорили об экстравагантности фаворитки, которая, отказавшись от просторных туник, скрывавших формы, стала надевать длинные платья, плотно облегающие тело. Более того, она лично ввела в моду длинный шлейф, который церковь в своей извечной борьбе с женским началом тут же окрестила «хвостом дьявола». А еще говорят, что, впервые забеременев и опасаясь, что венценосному любовнику этот факт не понравится, она, чтобы скрыть свое «интересное положение», не нашла ничего лучшего, чем на очередном королевском приеме приподнять свою юбку спереди, зажав ее в руке. Король отнесся к беременности фаворитки благосклонно, а эта уловка Аньес Сорель породила новую моду: под юбки стали подкладывать набитые пряжей пышные подушечки, создавая «эффект беременности».

Архиепископ Жан-Жувеналь дез Урсен обращался по этому поводу к королю и приводил факты безрассудных трат на шлейфы и гребни, золотые цепочки, драгоценные камни и наряды, называя это роскошью дурного тона. Он предупреждал, что Бог покарает за такое, ведь женщина тем красивее, чем менее разряжена. А те, кто носит высокие прически и такие шлейфы, – настоящие ослицы, выкрашенные на продажу!

Отметим, однако, что сравнение с ослицами никого не остановило, и лишь одно из модных нововведений Аньес Сорель так и не прижилось – это ношение нарядов, стыдливо прикрывавших одну грудь и изящно обнажавших другую. Эта новая мода возмутила большинство придворных дам, так и не решившихся последовать ее примеру.

Архиепископ дез Урсен возмущенно писал:

«Как же король в своей собственной резиденции терпит, чтобы ходили в одежде с глубоким вырезом, из-за которого можно видеть женские груди и соски? И как же в его апартаментах, а также в апартаментах королевы и их детей мучаются многие мужчины и женщины, находящиеся в атмосфере разврата, грехов и порочных связей. Ношение такой одежды неуместно и заслуживает наказания».

Священник был не одинок в предположении, что Аньес – женщина легкого поведения. Бургинен Шатлен оставил о ней такие воспоминания:

«Ее изобретательность была направлена на то, что в условиях разврата и распада она вводила в моду новые, сообразные этим условиям формы одежды».

Если учитывать, что эти два благовоспитанных человека, боясь за свое положение в обществе, старались выражаться об Аньес очень мягко, то можно себе представить, как о фаворитке Карла VII отзывался простой народ.

Дам де Ботэ

Ну, и наконец, именно Аньес Сорель стала первой в истории Франции официальной фавориткой Его Величества. Дело в том, что до нее короли как-то стеснялись своих внебрачных связей и старались особенно не афишировать их. Здесь же ситуация коренным образом изменилась: король не желал больше таиться и наградил Аньес чем-то вроде почетного титула официальной фаворитки. Титул этот звучал как «Дам де Ботэ» (по-французски – *Dame de Beauté*), то есть «Дама Красоты», или «Прекрасная Дама», что вполне соответствовало внешности ее обладательницы. С таким титулом положение любовницы стало гораздо более прочным, и даже законная супруга короля Мария Анжуйская сочла, что с ней лучше поддерживать дружеские отношения.

Конечно, фаворитизм, то есть возвышение конкретного лица (или группы лиц), существовал еще задолго до Карла VII, но именно он впервые провозгласил, что его возлюбленная отныне будет иметь при дворе официальный статус. Это выражалось в частности в том, что ей прислуживали, как принцессе, и она носила самый длинный (после королевы) шлейф.

Король, судя по отзыву папы Пия II, «не мог прожить и часа без своей прекрасной подруги» и был больше озабочен оттачиванием своего любовного мастерства, чем ведением государственных дел.

Пожаловав дворянство матери своих внебрачных детей³, король подарил ей небольшой замок, возвышавшийся над излуциной Марны недалеко от Парижа, на опушке Венсеннского леса. Раньше этот замок использовался для хранения королевских книг. Замок назывался Ботэ-сюр-Марн (*beauté* – по-французски «красота»), что и стало одним из титулов Аньес Сорель. Теперь она звалась дамой де Ботэ-сюр-Марн (что созвучно с «Прекрасной Дамой») и графиней де Пентьевр. Помимо сеньории Ботэ-сюр-Марн с правом ношения этого имени она получила и другие владения, в частности замок Иссуден в Берри и поместье Вернон в Нормандии.

Ее братья тоже стали иметь отношение к королевскому дому. Двое из них состояли в штате резиденции короля, двое других служили в королевской гвардии. Аньес занимала не второстепенное место любовницы: вопреки этикету, она вела воистину королевский образ жизни и владела драгоценностями редкой красоты. После ее смерти король выкупил их за значительную сумму – более 20 000 экю, что соответствовало почти ста килограммам чистого золота.

³ Помимо Марии, Аньес родила королю еще трех дочерей: Шарлотту (в 1446 году), Жанну (в 1448 году) и еще одну девочку, умершую младенцем (в 1450 году). И всех их, кроме, естественно, последней, король безоговорочно узаконил, и они носили королевское родовое имя Валуа.

Недовольство народа

Увы! Все эти королевские щедроты и особенно привольная жизнь, проходившая в постоянных празднествах и в «нежных забавах», в конце концов вызвали ропот в народе, жившем в то время в нищете. Поэтому, когда в апреле 1448 года Аньес приехала в Париж, народ не слишком тепло ее встретил. Вот что писал один из жителей Парижа в своем дневнике:

«На последней неделе апреля в Париж приехала девица, о которой все говорят, что она любовница короля Франции, в которую он влюблен без совести и без стыда перед доброй королевой. Хорошо известно, что она ведет такой же роскошный образ жизни, как графиня или герцогиня, и состоит на короткой ноге с самой французской королевой, совершенно не стыдясь своего греха. И король, не желая скрыть свой большой грех, решил подарить ей замок де Ботэ, самое красивое и удачно расположенное поместье по всему Иль-де-Франс. Эту барышню прозвали «прекрасной Аньес». Но поскольку парижане не были с ней почтительны, как этого требовала ее большая спесь, она не стала скрывать своего негодования. И, уезжая, сказала, что эти люди скверны, раз не оказали ей больших почестей, и больше на улицы Парижа никогда не ступит ее нога. Жаль, конечно, что она так решила, но и народ поступил с ней довольно низко. Красавица Аньес уехала, чтобы, как и прежде, заниматься грехом».

И автор дневника кончает свой рассказ горьким комментарием:

«Увы! Как жаль, когда король подает такой дурной пример своему народу, ибо, как гласит известная пословица: «Каков поп, таков и приход». Нам известна Семирамида, царица Вавилонии, соорудившая одно из семи чудес света. Но она же превратила собственного сына в своего друга и любовника, а когда узнала, что ее народ недоволен ее поведением, публично заявила, что разрешает брать в жены собственную мать, дочь или сестру или заниматься с ними любовью. Она разрешила своему народу и предоставляла возможность этих порочных действий, чтобы оправдать свое распутство. Именно поэтому на королевство Халдеев обрушилось множество бед, ибо мужчины насиловали собственных жен и дочерей, совершали убийства. Ибо, когда очень знатный сеньор или знатная дама публично совершает большой грех, их подданные очень хотят повторить его».

Однако эти упреки и даже оскорбления, дойдя до ушей Аньес, ее не рассердили, а только сильно опечалили. Фаворитка хотела понять, почему народ так ее презирал и ненавидел. Получалось, что напрасно она растратила целое состояние на милостыни и подаяния нищим и церквям – все равно никто не видел в ней добрую женщину, а все видели лишь алчную королевскую любовницу. Вот уж действительно, оказывая благодеяния, мы не всегда приобретаем друзей, но непременно наживаем врагов.

Политическая роль Аньес Сорель

Во Франции широко распространены легенды, представляющие Аньес патриоткой, вместе с Жанной д'Арк способствовавшей освобождению страны от англичан. Авторы подобных легенд приписывают ее влиянию поворот короля от светских удовольствий к воинским подвигам. Эти предания, в частности, отражены в поэме Вольтера «Орлеанская девственница».

Впервые поднял Аньес Сорель на этот почетный пьедестал в своей «Истории Франции», вышедшей в 1576 году, Бернар де Жирар. Современный историк Ги Шоссинан-Ногаре констатирует:

«Аньес Сорель стала первым образцом великодушия и благотворного влияния, оставшись примером для всех своих последовательниц».

И действительно, наделенная не только красотой, но и тонкой ранимой душой красавица горячо желала понять, почему народ так нетерпим к ней. И тут только ей открылось, в какой нищете живут французы, на глазах которых разворачивались не только великие деяния Святой Девы Жанны, но и все бедствия Столетней войны.

Поняв это, Аньес поспешила напомнить королю о его долге и обязанностях. С этой целью она использовала некую хитрость, о чем повествует Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом в своей книге «Жизнь галантных дам»:

«Прекрасная Аньес, видя короля Карла влюбленным в себя, не помышляющим ни о чем, кроме любви, мягким, слабым и равнодушным к делам королевства, однажды рассказала ему, что когда она была еще совсем юной девушкой, некий астролог предсказал ей, что ее полюбит один из наиболее доблестных и храбрых королей Христианского мира, и когда он удостоил ее своей любовью, она подумала, что он и есть тот самый мужественный государь, о котором ей было предсказано. Но, видя его таким безвольным, так мало заботящимся о своих делах, она считает, что обманулась, и не он тот смельчак, а король Английский, совершающий великие подвиги и под носом у него захватывающий прекрасные города. «Вот человек, – заключила она, – которого я должна была встретить, это о нем говорил астролог». Такие слова столь сильно уязвили сердце государя, что он разрыдался. Вскоре, набравшись мужества, он оставил свою охоту и свои сады и взялся за оружие. Он действовал столь успешно, что бесконечными стараниями и храбростью выбил англичан из своего королевства».

На самом деле так и произошло. Через некоторое время после этой беседы Карл VII при помощи своих знаменитых указов реорганизовал войска и в 1449 году, нарушив перемирие с Англией, вновь начал военные действия. В руках у врага к тому времени оставалось еще немало мощных крепостей и многолюдных городов, но король, движимый любовью к своей «Дам де Ботэ», за несколько месяцев положил конец Столетней войне, вернув все захваченные земли Франции. Аньес, называвшая его раньше насмешливо Карлом Безразличным, стала его величать Карлом Победоносным.

Продолжая рассуждения на эту тему, Ги Шоссинан-Ногаре пишет:

«Образ обаятельной возлюбленной Карла VII, которой больше, чем Орлеанской Деве, страна обязана успехом освобождения, в дальнейшем будет ставиться в пример всем великим фавориткам, и при необходимости им не раз напомнят об их героической предшественнице. Накануне своего назначения на должность мадам де Помпадур получила послание от Дюкло, призывавшее

ее точно следовать мудрому примеру Аньес: «Это была женщина, к которой Карл испытывал самую сильную страсть и которая наиболее достойно использовала его привязанность... Редкий образец для подражания тем, кто пользуется такими же милостями, ибо она любила Карла ради него самого и все делала для славы своего возлюбленного и счастья королевства». Как считают историки, редко кто подражал этому примеру, и Аньес Сорель осталась исключением в королевских анналах. Шатобриан, утверждая, что правление фавориток стало одним из бедствий старой монархии, добавляет: «Из всех этих женщин только Аньес Сорель принесла пользу королю и родине».

Апофеозом Аньес стало ее водворение в королевской резиденции в Лоше. Попытавшийся вступить за королеву дофин Людовик был грубо изгнан отцом, фаворитка же стала участвовать во всех королевских церемониях и пиршествах. Король выделил ей там особую башню и несколько камердинеров.

Смерть Аньес Сорель

Увы! Судьба распорядилась так, что фаворитке не довелось увидеть венес своих усилий. По дороге к своему возлюбленному, отправившемуся воевать в Нормандию, она умерла совсем молодой, незадолго до этого пережив преждевременные роды. Произошло это 9 февраля 1450 года. Скончалась она внезапно и, надо сказать, при весьма загадочных обстоятельствах.

Король в то время в течение нескольких недель находился в аббатстве де Жюмьеж в Нормандии. Столетняя война заканчивалась. Готовясь к штурму Арфлёра, который еще оставался в руках врага, король выглядел очень расстроенным, и можно было подумать, что он не уверен в успешном исходе сражения. На самом деле он думал об Аньес, которая находилась в Лоше и у которой вот-вот должны были начаться роды...

Карл VII с нетерпением ждал появления на свет своего четвертого внебрачного ребенка. «Может быть, на этот раз она подарит мне сына, – думал он. – Я так хотел бы иметь от нее сына».

Это желание не преследовало никаких политических целей, ибо Карл, у которого было пять законнорожденных детей от брака с Марией Анжуйской, уже имел наследника, дофина Людовика, и будущее династии было предрешено. Хотя кто знает... В любом случае, желание получить мальчика в те времена было обычным желанием любого мужчины, не говоря уж о безумно влюбленном мужчине.

В один из январских дней, когда он медленно прогуливался, в очередной раз думая об Аньес и о ребенке, который вскоре должен был появиться на свет, он увидел бегущего к нему монаха аббатства.

– Государь, идемте быстрее, привезли мадемуазель Сорель в очень тяжелом состоянии.

Карл VII побледнел и, забыв о королевской степенности, бегом бросился к тому месту, где остановилась карета с его фавориткой. Он с трудом узнал в ней свою «Дам де Ботэ», так сильно сказались на чертах ее лица тяготы путешествия и так сильно обезобразила ее фигуру поздняя беременность. Увидев короля, она привстала и через силу улыбнулась.

– Это безумие, – воскликнул Карл VII, – приехать сюда в таком состоянии!

– Мне надо было срочно увидеть вас, – тихо ответила Аньес. – Никто, кроме меня, не сказал бы вам то, о чем вы должны знать.

Король очень удивился ее словам. Он проводил Аньес в спальню, и она в изнеможении упала на постель. Карл, не дав ей передохнуть и минуты, встал у изголовья ее кровати, желая поскорее узнать, ради чего она приехала в такую даль. И Аньес ему поведала о том, что «некоторые из его подданных хотят выдать его англичанам».

Возможно, в этот момент королю пришла на память участь Жанны д'Арк, точно так же выданной врагу, для спасения которой им не было предпринято ровным счетом никаких усилий. Что он думал в этот час? Впрочем, большого значения это не имело, ибо он все равно не поверил фаворитке.

Несмотря на большую усталость, Аньес с трудом продолжала говорить, рассказав королю все до мельчайших подробностей о готовившемся заговоре и о заговорщиках, о намерениях которых ей стало случайно известно.

– Я приехала, чтобы вас спасти, – нежно сказала она.

Существовал ли действительно этот заговор? Вполне возможно. Но враги короля (а они уж точно существовали), узнав о том, что Аньес проникла в их тайну, сочли разумным не предпринимать никаких действий...

Успокоенная тем, что успела вовремя рассказать королю о грозившей ему опасности, фаворитка уснула. Но сон ее был недолгим: у нее начались первые родовые схватки, и она, застав, начала ворочаться в постели. Немедленно Карл VII перевез ее в загородный дом,

построенный для отдыха аббатов, с тем, чтобы она могла там родить в более уютной обстановке. Именно здесь на следующий день и появилась на свет девочка, которой через полгода суждено было умереть.

Последствия родов были мучительны. Летописец Жан Шартье повествует:

«После родов Аньес беспокоило расстройство желудка, которое продолжалось в течение длительного времени. Во время этой болезни она постоянно каялась в своих грехах. Часто вспоминала о Марии Магдалине, совершившей высший плотский грех, но раскаявшейся в нем и попросившей милости у Всевышнего и Девы Марии. И, как истинная католичка, Аньес проводила целые часы за чтением молитв, текст которых она сама написала. Она высказала все свои желания и составила завещание, где назвала людей, которым хотела бы помочь, оставив сумму в 60 000 экю, полагающуюся за все их труды.

Своими душеприказчиками она назначила Жака Кёра, советника и министра финансов короля, Робера Пуатвена, королевского врача, и Этьена Шевалье, королевского казначея, добавив при этом, что эта троица могла подчиняться лишь королю.

Аньес становилось все хуже и хуже, она жалела, что ее жизнь так коротка и недолговечна».

Заметим, что, помимо Жака Кёра, среди названных выше людей хорошо известен и Этьен Шевалье. Он был влиятельным другом Аньес, а в 1445 году был отправлен послом в Англию (некоторые авторы считают его даже ее тайным любовником). Это он заказал Жану Фуке Часослов, то есть богослужебную книгу, содержащую псалмы, молитвы и песнопения, который хранится теперь в Шантийи: там изображены придворные и Аньес. Она же послужила этому художнику моделью его «Мадонны с младенцем». Он представил ее как Царицу Небесную с роскошной короной, украшенной жемчугами и драгоценными камнями, на голове, на золотом троне, который поддерживают ангелы. «Модной куклой» назвал это изображение известный нидерландский историк и теоретик культуры Йохан Хейзинга. Аньес действительно одета там по последней тогдашней моде, в платье с очень узкой талией и глубоким вырезом, обнажающим одну грудь. Волосы модно зачесаны наверх и гладко выбриты на лбу и висках. Самого Этьена Шевалье художник запечатлел коленопреклоненным на левой створке вместе с его святым покровителем.

Имя Робера Пуатвена не так известно, но о нем мы поговорим несколько позже. А пока же вернемся к Аньес Сорель. Составив завещание, она попросила своего исповедника отца Дени отпустить ей грехи, и 9 февраля 1450 года в шесть часов вечера скончалась.

Король приказал соорудить две великолепные мраморных гробницы: в одной из них (в Жюмьеже) было похоронено сердце Аньес, в другой (в Лоше) – ее тело. Через некоторое время ее место в сердце короля заняла ее кузина Антуанетта де Менъеле. Эта очень красивая женщина почти сразу же понравилась королю. Проявив благоразумие, он решил узаконить присутствие при его дворе этой очаровательной особы и женил на ней Андре де Виллекье, одного из близких своих друзей, который закрыл глаза на неверность супруги.

Отныне для Карла VII, которому уже было сорок восемь лет, наступила вторая молодость. Безумно влюбившись в Антуанетту, он увлекал ее под разными предлогами по четыре-пять раз в день в свою спальню, и ни у кого не вызывала сомнений цель их встреч. Он совсем забыл о бедной Аньес, которая спасла ему жизнь и честь.

А тем временем поползли разговоры о том, что Аньес Сорель была отравлена.

Вот что пишет об этом Ги Бретон:

«И поскольку в такого рода делах народу нужно было найти виновника, этим человеком стал дофин Людовик, будущий Людовик XI, которого и стали обвинять в убийстве фаворитки своего отца. Некоторые вспоминали о том, что наследник короны всегда презирал Аньес Сорель, влияния которой на короля опасался, и что однажды в Шиноне, выйдя из себя, даже отвесил ей пощечину, прокричав:

– Клянусь Богом, от этой женщины все наши несчастья!

Другие добавляли, что он пытался ее убить, преследуя со шпагой в руке, и ей тогда удалось избежать смерти, лишь укрывшись в спальне короля. Наконец, несколько хорошо осведомленных людей утверждали, что, если дофин открыто выступал против отца, виной всему была фаворитка».

Упоминал о подобных слухах в своей летописи и родившийся во Фландрии знаменитый хроникер Ангерран де Монтрелле. Он писал:

«Ненависть Карла VII к Людовику привела к тому, что принц неоднократно бранил своего отца и выступал против него из-за красавицы Аньес, которая была в большей милости у короля, чем сама королева. Поэтому дофин ненавидел фаворитку и со злости решил ускорить ее смерть».

Козел отпущения Жак Кёр

После смерти Аньес прошло восемнадцать месяцев, и уже стали стихать разговоры, вызванные ее внезапной кончиной, когда Жанна де Вандом, придворная дама, за которой числился большой долг Жаку Кёру, подтвердила под присягой, что именно он, королевский министр финансов, отравил Аньес Сорель. Карла VII эти слова очень взволновали, и он немедленно назначил расследование. Через неделю Жака Кёра арестовали, и он предстал перед судом.

Этот арест, удививший все королевство, был на руку многим. Ведь министр финансов был не только кредитором короля; он выдавал довольно крупные ссуды большинству знатных вельмож, приближенных ко двору, и некоторые из них уже решили, что его осуждение позволит им быстрее уладить свои дела. Да и судьи поняли, что если они приговорят его к пожизненному заключению, им будет признательно множество господ. Процесс начался, естественно, с того, что Жаку Кёру предъявили обвинение в отравлении Аньес Сорель. Но доказательства, представленные мадам де Вандом, сразу показались несостоятельными даже самым заклятым врагам министра финансов.

И что, тогда его освободили? Отнюдь. Обрадовавшись тому, что от них зависела судьба человека, могуществу и богатству которого они завидовали, судьи, поддерживаемые некоторыми придворными, решили его засудить, и процесс принял новый оборот.

Министра финансов подло стали обвинять во всех грехах. В зал суда устремились сотни переполненных ненавистью «свидетелей», и Жак Кёр вскоре был задавлен множеством сумасбродных и нелепых обвинений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.